
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СДЕЛОК ПО РЕАЛИЗАЦИИ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАКОННЫХ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

© 2017 Ровнягина Мария Николаевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1

E-mail: maria-rov@rambler.ru

Рассмотрен вопрос о важности разработки необходимых характеристик механизма защиты прав на бездокументарные ценные бумаги путем их истребования с учетом оценки сделок по их реализации, добросовестности сторон, дана оценка изменениям гражданского законодательства по этому вопросу. Внимание уделено необходимости развития гражданского законодательства для обеспечения механизма защиты при смешении и распылении утраченных бездокументарных ценных бумаг, учета добросовестности приобретателей, выработки ее критериев.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, истребование бездокументарных ценных бумаг, смешение и распыление бездокументарных эмиссионных ценных бумаг, добросовестность приобретателя, ее содержание и критерии.

Справедливое разрешение вопроса о защите прав на бездокументарные эмиссионные ценные бумаги является на сегодняшний день одной из существенных проблем. Фактические итоги рассмотрения судебных дел по данному вопросу далеки от обеспечения полной защиты и справедливого восстановления прав лица, утратившего бездокументарные ценные бумаги.

Нормы законодательства не дают возможности выработать однозначный ответ по сложным случаям, когда имеет место дальнейшая реализация (сопровождаемая распылением и смешением) бездокументарных эмиссионных ценных бумаг последующим приобретателям, сопровождаемая распылением и смешением бездокументарных эмиссионных ценных бумаг, в отношении которых необходимо решать вопрос об их добросовестности и четкие критерии которых в нормах законодательства о защите прав на утраченные бездокументарные ценные бумаги не установлены. На сегодняшний день по вопросу о защите прав на бездокументарные ценные бумаги управомоченного по ним лица в отношении лиц, приобретших их по сделкам первого звена, обладающих тем или иным юридическим пороком, а также в отношении последующих приобретателей (второе и последующие звенья), в судебной практике универсального подхода не выработано.

Задачей права в данном случае должна быть защита прав надлежащего правообладателя, и от-

сутствие такой защиты нельзя оправдать доводами о смешении акций и распылении утраченного пакета акций, поскольку компенсация убытков в денежной форме не является справедливым и действительно эквивалентным способом удовлетворения при утрате корпоративных прав, удостоверяемых акциями. Так, в судебной практике типична позиция, достаточно последовательно подтверждаемая на уровне судов кассационной инстанции, в которой делается вывод о невозможности удовлетворения иска акционера, утратившего акции помимо своей воли ввиду довода о смешении акций на лицевых счетах ответчиков, к которым акции перешли в результате отчуждения предыдущим неуполномоченным держателем, от которого спорные акции приобретались в составе пакетов, включающих иные аналогичные акции. Например, в постановлениях ФАС Северо-Западного округа от 23 декабря 2011 г. по делу № А21-14156/2009, Арбитражного суда Московского округа от 24 января 2017 г. по делу № А40-125859/2015 в качестве одного из основных доводов для отказа в истребовании акций приводится ссылка на то, что не подтверждена тождественность ценных бумаг, принадлежавших истцу и выбывших, по его утверждению, из владения помимо воли и тех, которые истребовались им у ответчиков: “законодательством Российской Федерации не предусмотрено ведение разделного учета акций, поступающих на лицевой счет владельца по каждому новому правовому основа-

нию; поэтому при многократном обороте акций достоверно проследить всю последовательность операций с акциями... не представляется возможным...”²¹; “судами учтено, что истцом документально не подтверждена с помощью относимых и допустимых доказательств тождественность истребуемых у ответчиков акций акциям, “выбывшим” от истца (отсутствует непрерывная цепочка договоров купли-продажи данных акций и выписок по счетам, подтверждающих зачисление именно истребуемой части спорных акций на счета ответчиков)”²². Иными словами, к спорным бездокументарным ценным бумагам судами применяется подход как к вещам, определяемым родовыми признаками, несмотря на то, что акции как бездокументарные ценные бумаги таковыми не являются и ценность их не вещь, а абстрактна и заключается в одинаковых абстрактных единицах предоставляемых прав.

В литературе для решения вопроса защиты прав на бездокументарные эмиссионные ценные бумаги в ситуациях их смешения и распыления Д.И. Степановым предложен вполне логичный природе бездокументарных эмиссионных ценных бумаг подход относительно закрепления в законе возможности “требовать возврата ценных бумаг от конечных приобретателей ргогата, то есть в количестве, пропорциональном тому, в котором они списывались со счета, где произошло смешение”²³. Кроме того, необходимо отметить, что в качестве перспективной задачи цивилистической теории необходимо рассматривать выработку универсального подхода в отношении защиты и восстановления прав участия в хозяйственных обществах.

В Концепции развития гражданского законодательства РФ (разд. VI) был поставлен вопрос о выработке в законодательстве надлежащих механизмов защиты прав на бездокументарные ценные бумаги, при этом дана отрицательная оценка виндикации как способа защиты прав на бездокументарные ценные бумаги и указано на необходимость дифференциации способов защиты, в зависимости от содержания прав по бездокументарным ценным бумагам. Однако разработчики в Концепции так и не выработали никаких конкретных предложений по вариантам механизма восстановления прав на утраченные бездокументарные корпоративные ценные бумаги при их получении последующими приобретателями, а также при смешении и распылении эмиссионных бездокументарных ценных бумаг.

На сегодняшний день положения Концепции, отражающие обязательно-правовой подход к

природе бездокументарных ценных бумаг и их защите, нашли отражение в новой редакции ч. 1 Гражданского кодекса РФ (Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ). В п. 1 ст. 142 ГК РФ появилось принципиально важное признание бездокументарных ценных бумаг в качестве особой категории ценных бумаг, к которой применяются специальные нормы правового регулирования: ценными бумагами признаются также обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав... (бездокументарные ценные бумаги).

Вопрос о защите прав на утраченные бездокументарные ценные бумаги урегулирован только в тех общих пределах, которые определены в Концепции. В п. 1 ст. 149.3 ГК РФ установлено, что правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, вправе требовать от лица, на счет которого ценные бумаги были зачислены, возврата такого же количества соответствующих ценных бумаг. Если бездокументарные ценные бумаги были безвозмездно приобретены у лица, которое не имело права их отчуждать, правообладатель вправе истребовать такие ценные бумаги во всех случаях... При наличии возможности приобретения бездокументарных ценных бумаг на организованных торгах правообладатель, со счета которого осуществлено неправомерное списание, вправе по своему выбору потребовать от лиц, несущих перед ним ответственность за причиненные убытки, приобретения таких же ценных бумаг или возмещения всех необходимых для приобретения расходов”.

Единственным прямо предусмотренным нормативно ограничением для применения способа защиты согласно ст. 149.3 ГК РФ (в отличие от установленного ст. 302 ГК механизма виндикации и п. 4 ст. 147.1 ГК об истребовании документарных ценных бумаг) являются бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие исключительно денежное право требования, а также приобретенные на организованных торгах.

Данная норма формально предусматривает способ защиты прав на бездокументарные ценные бумаги в отношении только того лица, на счет которого они были зачислены в результате неправомерного списания у правообладателя, т.е. по сути только в отношении первого неуправомоченного приобретателя, получившего ценные бумаги на свой счет не-

посредственно от операции неправомерного списания ценных бумаг со счета управомоченного владельца. Хотя в литературе высказывается позиция о возможности понимать предусмотренный ст. 149.3 ГК РФ способ защиты как позволяющий осуществить истребование неправомерно списанных бездокументарных ценных бумаг не только непосредственно от лица, получившего их в результате операции неправомерного списания со счета правообладателя, но и от последующих приобретателей⁴. Вместе с тем формальное содержание нормы не дает оснований для такого широкого толкования, которое может быть выработано только на основании правовых позиций судебной практики.

Соответственно, встает вопрос о способе защиты прав на бездокументарные ценные бумаги применительно к их последующим приобретателям (о возможности применения нормы п. 1 ст. 149.3 ГК РФ к таким ситуациям), а также об использовании положений о добросовестности приобретателей при применении п. 1 ст. 149.3 ГК РФ. Какие-либо специальные положения, относящиеся к ситуации смешения бездокументарных ценных бумаг с их последующим распылением, для решения вопроса о надлежащих ответчиках и механизме истребования бездокументарных ценных бумаг от нескольких ответчиков новые нормы законодательства не предусматривают. Соответственно, для большинства случаев механизм защиты прав лица, со счета которого ценные бумаги списаны помимо его воли либо неправомерно, остается неопределенным и будет формироваться в рамках судебной практики.

В ст. 149.3 ГК РФ (предусмотренной специально в отношении бездокументарных ценных бумаг) отсутствует указание на возможность субсидиарного применения положений ст. 147.1 ГК РФ (регламентирует истребование только документарных ценных бумаг) о добросовестности приобретения имущества как существенном критерии, нарушение которого является основанием для удовлетворения требования законного владельца о возврате. В п. 4 ст. 147.1 ГК РФ предусмотрено право истребования документарных ценных бумаг у приобретателя, если “указанный приобретатель, от которого истребуется ценная бумага, своими обманными или другими незаконными действиями способствовал утрате прав законного владельца на ценную бумагу либо в качестве предшествующего владельца знал или должен был знать о наличии прав иных лиц на ценную бумагу”, при этом добросовестность предыдущего приобретателя не имеет значения.

Такое понимание недобросовестности и, соответственно, пределов добросовестности применительно к оценке действий приобретателя документарных ценных бумаг существенно ограничивает общепринятое понимание добросовестности приобретателя в субъективном смысле так, как оно предусмотрено в ст. 302 ГК РФ (приобретатель не знал и не мог знать о неуправомоченности отчуждателя). В отношении такого общего понимания добросовестности в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” указано, что оценка действий сторон как добросовестных или недобросовестных производится “исходя из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны...”⁵. Таким образом, предусмотренные в п. 4 ст. 147.1 ГК РФ критерии в виде обманных или незаконных действий, направленных на утрату прав законного владельца, а также осведомленности приобретателя исключительно как предшествующего владельца о наличии прав у другого лица на ценную бумагу, являются более узкими по сравнению с критериями оценки субъективной стороны действий приобретателя как “любого участника гражданского оборота” на предмет того, знал ли он или мог ли знать о неуправомоченности отчуждателя.

В связи с указанным непонятно, как в формирующейся судебной практике будет оцениваться добросовестность приобретения бездокументарных ценных бумаг, сочтут ли суды возможным учитывать положения о добросовестности, предусмотренные по документарным ценным бумагам, со ссылкой на п. 6 ст. 143 ГК РФ, предусматривающий применение норм о документарных ценных бумагах в части, не противоречащей нормам, установленным ГК РФ, и особенностям фиксации прав на бездокументарные ценные бумаги, или согласно ст. 6 ГК РФ будет применено общее понимание добросовестности согласно ст. 302 ГК РФ. Нельзя исключать позицию о том, что добросовестность приобретателя бездокументарных ценных бумаг исходя из их природы и особенностей фиксации прав должна устанавливаться с учетом менее узких критериев, чем те, что предусмотрены в отношении документарных в п. 4 ст. 147.1 ГК РФ. На данный момент в формирующейся судебной практике по истребованию бездокументарных ценных бумаг по ст. 149.3 ГК суды, несмотря на отсутствие в этой норме положений о юридичес-

кой значимости добросовестности приобретения, продолжают устанавливать указанное обстоятельство как имеющее основное значение: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 января 2017 г. по делу № А40-125859/2015, где, несмотря на то, что акции выбыли от законного правообладателя помимо его воли в качестве основания для выводов суда указано, что “суды пришли к выводу, что Компания Эн Ти Си Эл-Нью Трэнд Кэпитал Лимитед является добросовестным приобретателем заявляемых истцом акций, оснований сомневаться в титуле продавца и его праве на отчуждение акций не имелось, в действиях ответчика отсутствуют недобросовестность или злоупотребление правом; оснований для истребования акций не имеется в соответствии с пунктом 1 статьи 149.3 Гражданского кодекса Российской Федерации”⁶.

В судебной практике, сформировавшейся до вступления в силу рассмотренных изменений в гл. 7 ГК РФ, вопрос о характере субъективной стороны сделок по приобретению бездокументарных эмиссионных ценных бумаг (т.е. добросовестности приобретателей) является ключевым.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 20 марта 2012 г. № 14989/11 выражена правовая позиция о том, что последующее приобретение акций по цепочке сделок организациями, руководители которых относились либо к одной группе лиц с неуполномоченным отчуждателем, либо были с ним лично знакомы, свидетельствует о направленности всей цепочки сделок по приобретению акций на их изъятие у законного владельца и создание препятствий для их возврата (т.е. о недобросовестном характере всей цепочки сделок по приобретению акций). При этом в качестве оснований для установления недобросовестности были рассмотрены не столько обстоятельства, свидетельствующие о субъективной стороне действий приобретателей, их осведомленности о неуполномоченности отчуждателя, сколько основания объективного характера - родственные отношения с неуполномоченным отчуждателем, относимость к одной группе лиц (вхождение в один совет директоров): “...суды первой и апелляционной инстанций установили, что сделки, приведшие к переходу прав на акции истца к первым приобретателям... и, наконец, к последним приобретателям - обществам “Уют-Строй”, “Содружество” и “Континент”, являлись взаимосвязанными, совершенными в рамках единой схемы одной группой лиц”⁷.

Недобросовестный характер всей цепочки сделок по приобретению акций явился, кроме того, ос-

нованием для признания особого подхода к разрешению вопроса о смешении и распылении акций: по мнению суда, установленные обстоятельства недобросовестности последующих приобретателей переносят на ответчиков бремя опровержения довода истца о порядке распределения акций между ответчиками и исключают значимость довода ответчика о смешении акций у последующих приобретателей (“именно ответчикам надлежало доказать, что акции истца в составе смешанных и впоследствии раздробленных пакетов отчуждались иначе”).

Кроме того, в целом указанное постановление Президиума ВАС РФ подтвердило позицию о том, что “сложившаяся судебная арбитражная практика в целях защиты прав акционеров, утративших принадлежащие им бездокументарные акции, допускает предъявление ими требований о восстановлении прав на утраченные ценные бумаги, в том числе в отношении последующих приобретателей, и такие требования по аналогии закона подлежат рассмотрению по правилам статей 301, 302 ГК РФ (п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 “Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций”)⁸.

В судебной практике были сделаны определенные шаги в сторону более однозначной защиты прав на неправомерно утраченные доли участия в обществах с ограниченной ответственностью: выработан подход о восстановлении корпоративного контроля в случае неправомерной утраты доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08, постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08). ВАС РФ отметил, что фактически требование участника “содержит просьбу о восстановлении права истца на корпоративный контроль над обществом посредством присуждения соответствующей доли участия в уставном капитале”. Сославшись на норму ст. 12 ГК РФ о способе защиты прав путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, суд указал, что “в области корпоративных отношений реализация данного способа защиты прав может выражаться в виде присуждения истцу соответствующей доли участия в уставном капитале, исходя из того, что он имеет право на такое участие в хозяйственном товариществе или обществе, которое он имел бы при соблюдении требований действующего законодательства”. В отношении же остальных участников общества ВАС РФ указал, что удовлетво-

рение иска непосредственно затрагивает их имущественные права, которые могут быть защищены по отдельному или встречному иску, поскольку “при восстановлении корпоративного контроля в интересах одного из участников общества они образуют неосновательное обогащение этого участника”.

Однако применение аналогичного подхода, основанного на предусмотренном в ст. 12 ГК РФ восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, как способе защиты прав применительно к акциям, иным бездокументарным ценным бумагам никак в правовых позициях судов не подтверждено. В конечном итоге в юридической теории необходимо выработать единую концепцию защиты права на “идеальные объекты” (такие, как бездокументарные ценные бумаги, права участников хозяйственных обществ), на которые могут быть распространены представления как о специфических объектах имущественных прав, учитывающую при этом положения о добросовестном приобретателе, аналогичные подходу, закрепленному в ст. 302 ГК РФ.

Идея о том, что на основе предложенного в судебной практике механизма восстановления корпоративного контроля должен быть выработан единый подход в законодательстве к регулированию защиты прав на не вещные имущественные блага, получила определенные зачатки в научной литературе, однако широкого теоретического развития ей не дано. Так, С.А. Зинченко, оценивая вышеприведенные судебные позиции, указал: “Восстановление права собственности на ценные бумаги всегда связано с не вещным имущественным благом, которое неразрывно связано с определенным информационным носителем (тот или иной учетный реестр). Иски о защите прав на ценные бумаги - самостоятельные иски о защите не вещного имущественного права собственности. Видимо, какие-то положения о вещных правах могут быть субсидиарно использованы применительно как к документарным, так и бездокументарным ценным бумагам, что вытекает из анализа норм ст. 149.4, 147.1, 149.3, 227 и 228... ГК РФ. Но это не препятствует общему выводу о том, что защита права на ценные бумаги должна осуществляться самостоятельным, вытекающим из их существа, способом”⁹.

Таким образом, рассмотренные выше изменения ГК РФ не закрепили выработанных в судебной практике подходов ни о возможности применения при истребовании бездокументарных ценных бумаг правил о виндикации, существенном значении обстоятельств добросовестности приобретателя в последующих сделках, ни о порядке рассмотрения вопроса о распылении и смещении бездокументарных ценных бумаг с учетом отнесения на недобросовестных приобретателей бремени опровержения довода истца о порядке распределения акций между ними. Для надлежащего обеспечения реальной возможности защиты прав путем использования предусмотренной ст. 149.3 ГК РФ меры по истребованию бездокументарных ценных бумаг законным правообладателем необходимо закрепить основные положения относительно порядка истребования в случае их смещения и распыления, а также учета добросовестности приобретателей с учетом основополагающих критериев добросовестности, соответствующих характеру и порядку совершения сделок по реализации бездокументарных ценных бумаг.

¹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23 дек. 2011 г. по делу № А21-14156/2009.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 янв. 2017 г. по делу № А40-125859/2015.

³ Степанов Д.И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счете. Москва, 2004. С. 71-72.

⁴ Родионова О.М. Требования о возврате бездокументарных ценных бумаг и последствия их удовлетворения: комментарий нового российского законодательства // Юрист. 2014. № 10.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 янв. 2017 г. по делу № А40-125859/2015.

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 20 марта 2012 г. № 14989/11.

⁸ Там же.

⁹ Зинченко С.А. Корпоративные отношения в реформируемом гражданском законодательстве России // Гражданское право. 2014. № 4.

Поступила в редакцию 06.03.2017 г.